

Опубликовано:

Ямсков А.Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь. Ред.: Новикова Н.И., Тишков В.А. – М.: Издательский дом "Стратегия", 2000. С. 172-185

**Традиционное природопользование:
проблемы определения и правового регулирования**

А.Н. Ямсков

Большинство ученых, политиков и активистов неправительственных организаций в России и за рубежом достигли консенсуса относительно необходимости выделения в составе жителей тех регионов, где исторически недавно имело место промышленное и/или сельскохозяйственное освоение и заселение, аборигенных (коренных) народов и наделения именно их представителей (индивидов, семей, общин) приоритетными правами как минимум на традиционное использование возобновимых природных ресурсов на землях предков. С другой стороны, также не вызывает особых сомнений и то, что реальная хозяйственная практика коренных народов в современных условиях чаще всего представляет собой многообразие форм использования ресурсов и воздействия на природно-ресурсную базу, варьирующих от достаточно близких к тем, что преобладали у их прямых предков на рубеже XIX - XX веков (и потому в реалиях России “традиционных” по определению), и до таких, что практически не отличаются от форм природопользования, практикующихся в подобных регионах недавними поселенцами.

Таким образом, несложно обозначить наметившиеся в данной сфере терминологические проблемы, которые на фоне продолжающейся разработки федерального и регионального законодательства о правах коренных народов российского Севера служат предметом дискуссий в среде специалистов и которые в самом общем плане могут быть сформулированы следующим образом:

1. Какими могут или должны быть принципы и критерии отграничения “традиционных” форм хозяйственной деятельности и сопряженных с ними форм природопользования коренных народов от “нетрадиционных”?

С. 172

2. Какие конкретно функции могут либо должны выполнять сохранившиеся у коренных народов обычноеправовые нормы регулирования хозяйства и природопользования в рамках “тра-

диционной” хозяйственной практики и, с другой стороны, в каких ситуациях и до какой степени их может или должно дополнять либо заменять государственное регулирование подобного хозяйства и природопользования?

В обоих случаях необходимы достаточно четкие дефиниции, пригодные для включения в законодательные документы, поскольку ныне обоснованно считается, что именно “традиционность” природопользования служит ведущим критерием выделения групп пользователей, обладающих приоритетными правами на биоресурсы, и что именно в сфере организации традиционного хозяйства и природопользования могут либо должны действовать общеправовые нормы коренных народов ¹.

Дискуссии по указанным вопросам идут параллельно с развитием соответствующего законодательства в нашей стране. Так, на протяжении 1990-ых годов в России разрабатывался и наконец в апреле 1999 г. был принят федеральный рамочный Закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”, который по своему содержанию в первую очередь относится к коренным народам Севера ². В регионах в эти же годы был создан и апробирован значительный массив гораздо более конкретных законов об общинах и о территориях традиционного природопользования этих народов ³, причем проработка такого рода дополняющих и уточняющих законодательных актов в последние годы проводится и на федеральном уровне ⁴.

В вышеупомянутых принятых и разрабатываемых законах федерального и регионального уровней непременно фигурируют, полностью или частично, взаимосвязанные понятия “территории (земли) традиционного природопользования”, “традиционное природопользование”, “традиционное хозяйство”, “традиционные промыслы”. Однако в недавно

С. 173

принятом Федеральном Законе “О гарантиях прав коренных малочисленных народов ...” данные термины присутствуют, но не определяются ⁵. Особую актуальность поднятой теме придает и то, что в этом же Законе предусмотрена “этнологическая экспертиза” и, следовательно, предполагается разработка соответствующего федерального закона “Об этнологической экспертизе” - но ведь проведение последней в регионах расселения коренных народов Севера тоже будет невозможным без правового определения базового понятия “традиционное природопользование (хозяйство)”.

“Традиционное природопользование”: возможная дефиниция.

Справедливое для собственно научных исследований положение о том, что о терминах не спорят, а договариваются, во-первых, практически неприменимо в области прикладных исследований (в том числе и в сфере юридической антропологии), поскольку здесь термины должны быть “прозрачными” по своему значению и понятными широкому кругу людей, включая неспециалистов. Во-вторых, это известное утверждение вовсе не означает, что отсутствует смысл в поиске оптимальной договоренности о значении конкретного термина, если этот термин уже существует в юридических документах и если заранее определены задачи, которые должны быть решены законодательством с использованием данного термина, а сам термин пока еще не имеет четкого юридического толкования. Все это прямо относится к термину “традиционное природопользование” по состоянию на начало 2000 г.

С. 174

Мне уже доводилось кратко высказываться по затронутому вопросу⁶. Расширяя и уточняя прежнюю формулировку, можно сделать следующий вывод: в законодательных документах к “традиционному хозяйству” в условиях России стоит относить такие формы ведения любой из отраслей хозяйства современным населением, при которых это население сохраняет преемственность форм хозяйствования от своих непосредственных предков (в период до начала коллективизации) в каждом из следующих аспектов хозяйства:

- типы используемых природных ресурсов (например, на Севере - дикие животные и естественная растительность, в первую очередь на оленьих пастбищах);
- типы трудовой деятельности (в частности, у народов Севера - пастьба оленей, добыча диких животных и лов рыбы, сбор пищевых и лекарственных растений и других продуктов собирательства);
- используемая территория или акватория (применительно к народам Севера - пастбищные, охотничьи, рыболовные угодья, места сбора пищевых, лекарственных и других природных ресурсов);
- типы получаемой первичной продукции (например, мясо, рыба, шкуры и пушнина и т.п. у народов российского Севера).

Сказанное выше позволяет по аналогии дать дефиницию “традиционного природопользования”. На этой же основе можно определить и “территорию традиционного природопользования”, то есть ареал, в пределах которого ведется (или планируется ведение) традиционное хозяйство, а также и круг возможных пользователей - лиц, ведущих (либо жела-

С. 175

ющих вести) традиционное хозяйство и являющихся прямыми потомками тех, кто использовал те же самые территории до коллективизации и ранее. Последнее, впрочем, вряд ли стоит понимать буквально⁷ - из-за многократных и часто недобровольных переселений и сселений жителей сельской местности в поздний советский период преемственность в использовании территории на Севере уместнее оценивать в масштабах сельских районов или даже нескольких соседних районов.

Указанные дефиниции, кстати, могут быть применены к любой из основных отраслей хозяйства для их дифференциации на “традиционные” и нетрадиционные формы ведения, то есть к собирательству, охоте, рыболовству, растениеводству (земледелию), животноводству (скотоводству), практикуемым любой по происхождению группой населения, равно как и для разделения соответствующих форм природопользования на “традиционные” и нетрадиционные для данной группы населения.

При подобном подходе полностью снимаются как не относящиеся к содержанию предлагаемой дефиниции “традиционного хозяйства” вопросы, с одной стороны, о наличии и степени распространенности технологических инноваций в данной области (в частности, таких как внедрение в ряде районов Севера снегоходов, моторных лодок и сетеподъемников, и т.п.), а с другой стороны - о целях хозяйственной деятельности (в частности, не оценивается уровень товарности производства либо близости его к натуральному хозяйству). Данная особенность предлагаемой дефиниции “традиционного хозяйства” имеет важное значение, ибо в предложенном виде она исключает возможность законодательного установления и закрепления барьеров на пути как технической модернизации традиционных отраслей хозяйства, так и увеличения их товарности и доходности, а значит и повышения уровня жизни практикующих их групп коренного населения.

Опасения такого рода, к сожалению, отнюдь не беспочвенны. С одной стороны, механизация в последние десятилетия советского периода истории российского Севера некоторых сторон рыболов-

С. 176

ства и оленеводства⁸ или охоты нередко трактуется не просто как отход от собственно “традиционных” форм ведения этих отраслей, но как признак качественной трансформации хозяйства⁹. С другой стороны, известные специалисты уже предлагали ввести в качестве одного из возможных критериев определения традиционного хозяйства народов Севера “натуральный характер экономики, то есть минимальный обмен и максимальную зависимость от природы”¹⁰. Вероятно, исходя именно из этой методологической предпосылки, они в проекте разработан-

ного ими закона “Основы правового статуса коренных народов Севера России” в один из разделов статьи № 8 “Основы экономического развития коренных народов Севера” опрометчиво включили положение, прямо ограничивающее на “территориях приоритетного природопользования” права коренного населения Севера ведением только “традиционных отраслей хозяйства и промыслов в строго ограниченных размерах, исключающих товарный характер хозяйства”¹¹. Впрочем, не выдерживает критики и сама идея этих авторов об организации, в дополнение к “территориям традиционного природопользования” (где, с их точки зрения, возможно развитие товарного хозяйства), еще и “территорий приоритетного природопользования”, в состав которых должны входить “резерваты, национальные парки, заказники и заповедники” - согласно российскому законодательству и

С. 177

мировому опыту, в рамках “особо охраняемых природных территорий” разного типа, традиционная хозяйственная деятельность местного населения или полностью исключается, или же допускается на части охраняемой территории и при этом регулируется с точки зрения ее воздействия на компоненты природной среды, но никак не по уровню товарности или какому-либо другому неэкологическому показателю.

Итак, определение хозяйства или природопользования коренного населения Севера как “традиционного” в документах юридического характера целесообразно не связывать ни с используемыми этим населением технологиями, ни с уровнем товарности их хозяйственной деятельности. Что касается оленеводства, рыболовства, охоты, собирательства и изготовления “традиционной” одежды, утвари, предметов народного искусства коренным и старожильческим населением российского Севера, то этот комплекс отраслей хозяйства уместно вообще выделить (в том числе в государственном статистическом учете экономической деятельности и занятости населения) в качестве особого “традиционного сектора” экономики страны безотносительно к используемым в нем технологиям производства, этническому происхождению работников и уровню товарности или экономической эффективности¹².

Такой подход к трактовке “традиционного хозяйства и природопользования”, однако, является достаточно условным и, например, явно не совпадает с принятой в социально-экологических и экономико-географических исследованиях оппозицией “традиционный - современный”¹³. На уровне вузовских и ряда школьных учебников по экологии и географии понятие “традиционное общество” (и соответствующие ему хозяйство и природопользование) раскрывается как общество, основанное на присваивающих отраслях экономики (охота, собирательство, рыболовство), то есть “традиционное доаграрное”, или же на производящих отрас-

лях экономики (земледелие, скотоводство), то есть “традиционное аграрное”. Последнее отличается от “современного общества” (промышленного и постиндустриального) тем, что в традиционном земледелии и скотоводстве по определению отсутствуют:

С. 178

- механизация, то есть использование технических приспособлений, приводимых в движение двигателями внутреннего сгорания;
- химизация, то есть применение минеральных удобрений для повышения плодородия почв и ядохимикатов для борьбы с вредителями и болезнями растений (на полях, плантациях, пастбищах);
- выведенные специалистами сельскохозяйственных наук на опытных станциях и фермах сорта культивируемых растений и породы домашних животных с гораздо большей продуктивностью по сравнению с традиционными местными сортами и породами (впрочем, последние зато отличаются гораздо меньшей требовательностью к уходу за ними со стороны человека и к тому же большей устойчивостью и выживаемостью в неблагоприятных условиях окружающей среды, например, в годы с плохими для земледелия или скотоводства погодными условиями).

Переход во второй половине XX в. некоторой части населения ряда развивающихся тропических стран от подобного “традиционного” земледелия и скотоводства к “современному сельскому хозяйству” (с механизацией, химизацией, внедрением новых сортов растений и пород скота) получил название “зеленой революции”. В данном контексте “традиционное доаграрное” общество и его присваивающие отрасли хозяйства тоже, естественно, не могут характеризоваться хотя бы частичной механизацией и другими чертами “современных обществ” - ведь только для последних характерны полная или почти полная механизация ряда присваивающих отраслей экономики (океаническое рыболовство, китобойный промысел в 1950-ые - 1960-ые гг., лесозаготовки и т.д.).

Если применить указанный эколого-географический подход к определению характера современного охотничье-промыслового хозяйства на российском Севере, то во многих случаях рыболовство, оленеводство и даже охота окажутся не вполне соответствующими критериям “традиционного хозяйства и природопользования”. Однако для законодательства о правах коренного и старожильческого населения Севера, ведущего оленеводческо-промысловое хозяйство, необходим

С. 179

совершенно особый подход с иной дефиницией указанных терминов.

Обычное право и государственное право в сфере традиционного хозяйства и природопользования: возможные сферы проявления правового плюрализма.

Прежде чем перейти к вопросу о сферах возможного (взаимо)действия государственно-правовых и обычнорправовых норм регулирования “традиционного природопользования”, имеет смысл остановиться на экологических аспектах последнего. Здесь налицо очевидное расхождение между, условно говоря, “романтиками”-гуманитариями, акцентирующими внимание на экофильных традициях и особых духовных связях ведущих традиционное хозяйство народов Севера с окружающей их хрупкой природой, и “скептиками”-естественниками, опубликовавшими многочисленные исследования о возможности разрушительных последствий традиционного (даже в самом узком социально-экологическом понимании этого термина) природопользования для окружающей среды¹⁴.

Например, в этой связи можно вспомнить почти полное истребление в XVIII - XIX веках в Сибири и на Дальнем Востоке соболя и резкое снижение численности некоторых других видов особо ценных пушных зверей, в том числе и в тех районах, куда русские промысловики не доходили, но куда проникли торговцы и сборщики ясака. На берингоморском побережье Чукотки в первой половине XX в. И.И. Крупник определил размеры традиционного промысла чукчами и эскимосами гренландского кита как балансирующие на грани перепромысла и подрыва численности этой популяции животных, но, правда, в этом конкретном случае серьезное снижение общей численности китов ввзвали в предшествовавший период американские китобои¹⁵. Наконец, даже в учебники вошли примеры истребления палеолитическими охотниками позднеледниковой мегафауны Северной Евразии и Северной Америки (мамонты, шерстистые носороги, мускусные быки Евразии и лошади Америки, и т.п.), а также практически синхронное с появлением первых палеолитических охотников исчезновение наиболее крупных видов животных в открытых ландшафтах Южной Америки и Австралии.

С. 180

Таким образом, нет серьезных оснований считать, будто охотничье-рыболовецкое население не может само истощить используемые им биоресурсы. Тем более этот вывод оправдан в условиях наших дней, когда товарно-денежные отношения проникли повсеместно и часто провоцируют хищнический промысел. К тому же ныне на животный и растительный мир Севера негативно и серьезно воздействует перенос загрязняющих веществ из промышленных центров, начинающаяся перестройка климата в связи с глобальным потеплением, а также резкое сокра-

щение территории, свободной от промышленного освоения и геологической разведки с сопутствующими им браконьерством и распугиванием животных, повреждением растительного покрова гусеничным вездеходным транспортом.

Однако особую тревогу должно вызывать вполне возможное развертывание “трагедии общинных ресурсов” на территориях традиционного природопользования, выделенных в общинное владение либо пользование. Как известно, это явление вызвано тем, что у человека отсутствуют сознательные ограничения, препятствующие полному истощению природных ресурсов (в том числе возобновимых), если эти ресурсы находятся в коллективном пользовании или владении и при условии, что в процессе их эксплуатации позитивные результаты (“выгоды”, как правило обусловленную включением в рыночные отношения) получают конкретные индивидуумы-пользователи, а нарастающие по мере начинающегося истощения ресурсов негативные последствия (“ущерб”) равномерно распространяются на всех членов данного коллектива, включая и тех, кто данными ресурсами не пользуется или же пользуется в ограниченных масштабах. Этот социально-экологический феномен многократно проявлялся в периоды трансформации традиционных обществ, в которых сохранялись общинные природные ресурсы и равноправные в отношении их использования общинники, вследствие включения этих обществ в товарно-рыночные отношения, то есть с появлением у отдельных членов общин возможности часть получаемой от эксплуатации общинных ресурсов продукции поставлять на рынок.

Примерно таким образом определил впервые описанный им феномен “трагедии общинных ресурсов” эколог Г. Хардин¹⁶,

С. 181

после чего анализ причин и последствий это явления вошел даже в учебные пособия¹⁷. Также известно, что выходом из подобной ситуации может быть либо “приватизация” находящегося в коллективном владении или пользовании природного ресурса (то есть его раздел между пользователями, если только это технически возможно), либо же введение эффективного общественного контроля и нормирования нагрузки на ресурс со стороны пользователей. В последнем случае чаще всего предпочтительным является привлечение нейтральных по отношению к пользователям государственных служб экологического мониторинга и органов охраны порядка.

Сказанное выше позволяет усомниться в целесообразности полной передачи функций регулирования традиционного природопользования в общины - коллективы ведущих традиционное хозяйство групп населения Севера. Даже при достаточно полном сохранении у них норм

обычного права в данной сфере, использование ресурсов животного и растительного мира на территориях традиционного природопользования, находящихся в коллективном владении или пользовании общин, может привести к истощению этих ресурсов, что многократно фиксировалось исследователями у сохранявших во второй половине - конце XX в. традиционное хозяйство и общинное землепользование скотоводческих и охотничье-собирательских групп населения развивающихся стран после частичного вовлечения членов этих общин в товарно-денежные отношения. Следовательно, внешний и эффективный контроль за природопользованием ведущих традиционное хозяйство групп населения и за состоянием используемых ими природных ресурсов совершенно необходим и отвечает интересам как охраны природы, так и устойчивого развития самого традиционного хозяйства в наши дни практически повсеместного проникновения в него по крайней мере отдельных элементов товарных отношений.

Впрочем, высказанное выше мнение уже утратило свою актуальность - принят федеральный рамочный Закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”, который прямо и обоснованно относит различные функции регулирования нагрузки на природные ресурсы

С. 182

территорий традиционного природопользования к компетенции органов государственной власти федерального и регионального уровней (оценка природных ресурсов и их мониторинг, лицензирование хозяйственной деятельности и установление, распределение квот). Таким образом, общинное регулирование традиционного природопользования может и несомненно будет осуществляться одновременно с государственным, но в экологически сложных или неблагоприятных ситуациях именно последнее должно играть основную роль. Данное положение вполне соответствует современным представлениям большинства экологов и физико-географов об оптимальных способах регулирования и контролирования традиционного природопользования, особенно на общинных землях и при коллективном использовании ресурсов.

Тем не менее подобная констатация отнюдь не означает, что обычному праву в рамках традиционного хозяйства и природопользования должны оставаться лишь второстепенные и дублирующие функции. В традиционном хозяйстве есть и собственно экономическая сторона - организация производства, включая частые случаи перераспределения земельных угодий между членами коллектива и даже частичное перераспределение получаемой в процессе совместной трудовой деятельности продукции. Именно здесь, на мой взгляд, ведущую роль призваны играть нормы обычного права и морали.

Однако и в этой сфере должны быть разработаны и сформулированы нормы государственного права, к которым мог бы апеллировать любой член общины, который окажется недовольным либо посчитает свои интересы ущемленными в результате применения общеправовых принципов регулирования традиционной хозяйственной деятельности. Все же представляется, что в данном случае уже государственное право окажется в роли дублирующего и второстепенного по своим реальным функциям, будучи востребованным лишь в конфликтных ситуациях.

Таким образом, как экологические, так и собственно экономические аспекты ведения традиционного хозяйства и природопользования целесообразно регулировать в рамках правового плюрализма, сочетая государственное право и обычное право и мораль. Однако в первом случае желательно гарантии-

С. 183

ровать и реально обеспечить приоритет государственно-правовых норм, тогда как во втором удобнее в максимальной степени полагаться на обычно-правовые нормы и мораль.

В качестве заключения хотелось бы вновь обратить внимание читателя на предложенную выше для учета в законодательных документах дефиницию “традиционного хозяйства и природопользования”. Несмотря на явное доминирование в современном отечественном антрополого-юридическом дискурсе о “традиционном природопользовании” сюжетов, связанных с малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока, в данной дефиниции этот термин может иметь гораздо более широкое поле потенциального применения.

В частности, принятие высказанной автором точки зрения позволяет определять как “традиционные” многие современные формы ведения экстенсивного пастбищного скотоводства, будь то кочевого или горного отгонного (пастушеского). Несмотря на то, что практически все они в той или иной степени трансформированы, если их сравнивать с этнографическими реалиями начала XX века, сохраняется главная особенность кочевничества или горного пастушества - связь этих форм скотоводства с особым образом жизни соответствующих групп населения, равно как и восприятие этих форм хозяйства и природопользования практикующим их населением в качестве основы своей культурной традиции и этнокультурного своеобразия.

Если исходить из предположения, что законодательство об особых (приоритетных) правах на землю некоторых групп населения, ведущего традиционное хозяйство и природопользование, призвано в первую очередь облегчить таким группам сохранение их своеобразной культуры и образа жизни в современных условиях, то нет логических оснований ограничивать

применение подобного законодательства только регионами Севера, Сибири и Дальнего Востока и группами населения, занятыми оленеводством, охотой и собирательством. По крайней мере есть смысл в постановке и обсуждении вопроса об определении в качестве “традиционных” (а потому также заслуживающих законодательного обеспечения практикующих их групп населения льготными правами на землеполь-

С. 184

зование) тех форм кочевого и пастушеского скотоводческого хозяйства с дальними перемещениями скотоводов и их стад между сезонно используемыми пастбищами, которые отчасти сохранились либо возрождаются в горах Южной Сибири и в Забайкалье, в калмыцких степях и в горах Кавказа.

Примечания:

¹ Среди последних по времени публикации такого рода мнений см., например: Богословская Л.С., Павлов П.Н. Коренное население российского Севера и современное законодательство в области природопользования и охраны окружающей среды // Человек и право: Книга о Летней школе по юридической антропологии. Ред.: Новикова Н.И., Тишков В.А. М.: Стратегия, 1999, с.69, 71; Новикова Н.И. Права человека и права коренных народов Севера России: гармония или антагонизм? // Там же, с.54-57.

² Именно таковым оказалось и содержание комментариев к новому закону - см.: Комментарий к Федеральному Закону “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”. Ред.: Крылов Б.С. М., 1999, 153 с.

³ См., например, подборку большей части этих законов: Статус малочисленных народов России: Правовые акты. Сост.: Кряжков В.А. М., 1999, с.176-387.

⁴ Комментарий к Федеральному Закону ..., с.79,

⁵ Это прямо констатируют комментаторы Закона. С одной стороны, они рекомендуют “руководствоваться общепринятым понятием традиционности” и считают, что “под традиционностью и традицией обычно понимается то, что в силу обычая перешло к нынешнему поколению от поколений предшествовавших”. С другой стороны, переходя к оценке хозяйственной практики и природопользования, комментаторы призывают не абсолютизировать “копирование прошлого” как критерий традиционности и полагают, что технологические нововведения типа появления моторных лодок у рыболовецких групп населения еще не означают отхода последних от “традиционного образа жизни и формы хозяйствования” - Указ. соч., с.18.

⁶ Ямсков А.Н. Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: Институт этнологии и антропологии, 1996, вып. №96, с.5.

⁷ В данном случае я высказываю положение, которое возникло в ходе дискуссии с Е. Пивневой на Круглом столе “Правовой плюрализм в современной России” (Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, 22 декабря 1999 г.).

⁸ Ярким примером такого рода является, например, “кочевание” части оленеводов-эвенов с использованием тракторов, начавшееся с 1970-ых гг. и приведшее в итоге к сокращению либо даже к исчезновению в таких группах ездовых оленей и навыков их подготовки - подробнее см.: Сирина А. Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: Институт этнологии и антропологии, 1998, вып. № 116, с.19.

⁹ Кстати, с точки зрения этнологии (изучения культурного и этнического своеобразия), социальной экологии (исследования взаимодействия с окружающей средой) или экономической науки (анализа организации и эффективности производства) данный вывод вполне справедлив, но это еще не означает, что именно и только такого рода научное обобщение должно непосредственно отражаться в законодательных формулировках и определять государственную политику по отношению к народам Севера.

¹⁰ Соколова З.П., Новикова Н.И., Ссорин-Чайков Н.В. Этнографы пишут закон: контекст и проблема // Этнографическое обозрение, 1995, № 1, с.79.

¹¹ Соколова З.П., Новикова Н.И., Ссорин-Чайков Н.В. Указ. раб., с.83.

¹² Ямсков А.Н. Территории традиционного землепользования ..., с.5-6; см. также сходные предложения - Клоков В.Ф., Корюхина А.В. Основные проблемы социально-демографического развития и занятости народов Севера // Этнографическое обозрение, 1994, №5, с.69.

¹³ Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология (в печати)

¹⁴ См. подробнее: Yamskov A.N. Applied Ethnology and Ethnoecology in Combining Aboriginal Land Rights with the Preservation of Biodiversity in Russia // Practicing Anthropology, 1999, vol. 20, №2 (Spring), pp.50-51.

¹⁵ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989, с.75-76.

¹⁶ Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science, 1968, vol.162, №3859, pp.1243-1248.

¹⁷ Миллер Т. Жизнь в окружающей среде. Книга I. М.: Прогресс - Пангея, 1993, с.33.